

И. В. Григорьев

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ КРИТЕРИИ ВМЕНЯЕМОСТИ

Понятие вменяемости сегодня используется не только юристами, несмотря на то, что создано было именно ими для решения проблем, с которыми столкнулось уголовное право в конце XIX в. Термин «вменяемость» широко применяется в повседневности, но в научной литературе он рассматривается узкоюридически и описывает те моменты, которые связаны с осуществлением медицинского освидетельствования индивида. Юриспруденция прибегла в свое время к помощи медицины, чтобы та сформулировала основные критерии вменяемости. Для медицины это оказалось весьма сложной задачей, которая не могла быть решена одномоментно. Итогом совместной работы юриспруденции и медицины стал очень востребованный, но весьма нескладный терминологический «кентавр». Статья 21 УК РФ дает следующее определение вменяемости: «Вменяемость лица означает способность осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения или способность руководить своими действиями, т. е. положительную характеристику его психологического состояния»¹.

Юриспруденция сегодня уже не удовлетворена этим определением вменяемости, так как оно не позволяет решать возникающие проблемы. Последние десятилетия активно разрабатывается понятие «ограниченной», «уменьшенной» вменяемости, однако стремление юриспруденции прийти к условному компромиссу с современной медициной до сих пор оказывается в этом вопросе тщетным. В итоге, например, некоторые правовые системы, такие как уголовное право Польши (УК Польши 1998 г.), вовсе не используют медицинские критерии вменяемости.

Юридически вменяемым или невменяемым человек может быть признан только относительно конкретного деяния на момент его совершения. В повседневности же слово «вменяемость» употребляется повсеместно. Его используют не только юристы, но и журналисты, политики, а также и простой обыватель безотносительно к своей профессиональной деятельности. Причина такого широкого использования узкоюридического понятия видится, прежде всего, в том, что вменяемость/невменяемость «под предлогом объяснения деяния, являются способами квалификации индивида»². Вменяемость, таким образом, выражает социально значимый феномен, который уже не подчиняется юридической методологии и вышел за рамки медицинского освидетельствования индивида. В обществе назрела потребность по-другому оценивать вменяемость. Суть этой социальной потребности заключается в способности индивида прогнозировать последствия своих и чужих действий, а не только определять уже совершенные поступки.

Понятие вменяемости первоначально сформировалось в индустриальном обществе. В традиционном же обществе потребности в таком понятии не существовало. Однако предпосылки для возникновения самой проблемы вменяемости появились именно тогда. Следуя гипотезе К. Маркса о трех ступенях истории, отличающихся разными формами взаимозависимости индивидов, в традиционном обществе социальные связи основаны на личной зависимости людей, а следовательно, такие связи предельно формалистичны. Индивид жестко и тотально закреплен в традиционном обществе. Его социальная суть определена заранее, еще до его рождения, с точностью до тех типов деятельности и социальных функций, которые ему предстоит выполнять. Силовые способы контроля исключают возможность выхода индивида из существующих социальных структур. В этих условиях и формируется личность как выражение той социальной сути индивида, которая делает его подконтрольным обществу. Человек не только зависим от другого человека, но и реализуется в этой зависимости.

Личность в традиционном обществе характеризуется теми социальными обязательствами, которые возлагает на нее общество. Если личность не следует им, то это нарушает традицию, в рамках которой эта личность существует. Если личность перестает функционировать в рамках традиции, то признается обществом неадекватной.

Понятие вменяемости стало востребованным в индустриальном обществе. Вменяемость оказалась ключевым фактором в определении виновности человека. Для выявления вменяемости юриспруденция использует два критерия: юридический (психологический) и медицинский (биологический). Почти сразу после определения самой вменяемости (середина XIX в.) возникает представление и об «уменьшенной вменяемости». Впервые на Инсбуркском съезде юристов в 1904 г. было введено само понятие и выведена его формула: «уменьшенная вменяемость – уменьшенная вина – уменьшенная ответственность». Юриспруденция тем самым продемонстрировала уязвимые места молодого понятия. Речь шла об определении степени виновности субъекта и степени его ответственности, а следовательно, и о степени наказания. На тот момент введение определения «уменьшенная» казалось удачным развитием понятия вменяемости, позволяющим более точно и избирательно пользоваться данным термином. Но сразу же возникли проблемы с главным критерием вменяемости – медицинским. Медицина постаралась дать исчерпывающее перечисление форм отклонений и заболеваний психики, однако до сих пор ведутся споры о правомерности применения данного понятия при тех или иных психических состояниях индивида. Многие юристы считают невменяемость вообще удачной уловкой для избегания подозреваемым ответственности, тем самым выражая недоверие к медицинскому критерию вменяемости.

В повседневности же диапазон применения понятия вменяемости и вовсе широк: он включает в себя любое действие, совершаемое субъектом и

выходящее за рамки нормы. Руководствуясь понятием нормы, можно уверенно утверждать, что невменяемого человека способна распознать однородная группа нормальных, т. е. вменяемых, людей. В повседневности определение вменяемости происходит без судмедэкспертизы, и, как правило, критерием для выявления вменяемости служит не медико-правовая, а морально-нравственная оценка. Вменяемость оказалась несводима ни к медицине, ни к праву, ни к морали. В эпоху постиндустриального общества очевиден выход понятия вменяемости в другие сферы социального бытия. В постиндустриальном обществе это понятие перестает быть только характеристикой психики индивида, переходя в сферу его профессиональной деятельности.

В менеджменте и в экономике есть свои понятия, которые определяют ту же проблему, что и вменяемость, в сфере профессиональной деятельности индивида. Такими понятиями являются «ответственность» и «компетенция». Компетенция менеджера в теории современного управления определяется как «своевременность, взвешенность, прогностичность, ясность излагаемых положений»³. Структура ответственности как социологической категории включает в себя: свободу выбора варианта поведения самим субъектом ответственности, обладающим свободой воли; модель должного, ожидаемого поведения либо, наоборот, поведения недолжного; причинно-следственную связь между поведением и его последствиями; институцию ответственности; контроль и оценку поведения; возможность неблагоприятных последствий для ответственного субъекта, признанного виновным⁴, что практически совпадает с определением вменяемости, которое дает уголовное право.

С изменением общества меняются сами понятия. В традиционном обществе понятию «невменяемость» соответствовало понятие «безумие». В индустриальном обществе невменяемость перестали рассматривать так однозначно: у юриспруденции появился категориальный аппарат, позволивший локализовать смысл и уточнить сферы применения данного понятия, а в повседневности произошло отождествление девиантного понятия и невменяемости.

Вменяемость оказывается необходимым условием самореализации индивида в процессе социального взаимодействия. Проблема вменяемости исторически является проблемой юридической и, более того, сугубо практической проблемой уголовного права. Краеугольный камень проблемы вменяемости заложен в самом определении: возможность осознавать характер своих действий и знать, к чему они приведут. Вменяемость – это социальная норма. Только вменяемый человек в современном обществе имеет, к примеру, право голоса. Это не случайно, так как волеизъявление на голосовании есть практическое применение способности вменяемого индивида осознавать то, к чему приведут его действия. Именно поэтому на выборы не допускаются сумасшедшие (признанные невменяемыми судебной экспертизой), преступники и дети.

С развитием науки, медицины, юриспруденции, психологии становится очевидным, что задать жесткие границы для определения личности проблематично. Через процедуру определения невменяемости происходит отчуждение индивидом своих прав и обязанностей, утрата личностной идентичности. Таким образом, именно вменяемость делает из индивида личность в гражданском смысле слова.

Современный мир, который так или иначе включен в глобализационные процессы, нуждается в неких общих условиях для взаимодействия в экономической, политической, культурной сферах. Для осуществления такого взаимодействия необходимо единое понимание прав и обязанностей людей. В этом и состоит на сегодняшний момент одна из основных проблем международного права: как можно сохранить свои функции, работая с различными, часто вступающими в противоречия правовыми системами? Это не столько проблема взаимодействия культур, как ее пытаются представить юристы, сколько проблема гетерогенности общества и полусубъектной социальности.

На сегодняшний день не существует механизмов, которые бы урегулировали через право межкультурные различия, ментальные установки личностей, и поэтому проблема вменяемости приобретает новый смысл и особую актуальность. В современном социальном пространстве культуры вступают в диалог и взаимодействие. Даже если не рассматривать такие феномены, как контркультура, маргинальные субкультуры, а взять, к примеру, культуру Востока в ее взаимодействии с правовыми системами западных государств, то обнаруживается следующее: европейское право вынуждено принимать во внимание особенности культуры Запада, хотя действия адептов восточной культуры могут вступать в конфронтацию с нормами европейского права. В этом контексте вменяемость приобретает иное социально-философское значение. Индивид совершил преступление, исходя из норм своего общества, где этот поступок не подпадает под уголовную статью. В то же самое время этот поступок является преступлением для иного общества с иной культурой и мировоззрением, где правовые нормы четко классифицируют такое деяние как преступление. Однако суд оправдывает преступника, принимая в расчет культурное основание его поступка. Таким образом, индивид признается личностью в рамках своей культуры и оказывается в то же самое время невменяемым, а следовательно, невиновным, с точки зрения правовой системы. Институт права обнаруживает свою несостоятельность, когда речь идет о столкновении правовой системы и чуждой этой правовой системе культуры. Следует оговориться, что это утверждение справедливо, только когда мы говорим о правовой системе либерального общества.

Исторически вменяемость – это правовое понятие, которое определяет способность человека к правовой оценке. Невменяемость свидетельствует о небрежении индивида по отношению к правовой регуляции социальных

отношений. Невменяемость может проявиться не только при психических отклонениях, но и при недоверии к правовым институтам, а также при условии несостоятельности права перед иными регуляторами социальности, такими, к примеру, как мораль.

Таким образом, можно выделить три основных социально-философских критерия вменяемости. Один из критериев – способность к нормальному социальному воспроизводству. Если социальные связи не деформируются, процесс социального воспроизводства не нарушается, то и личность, которая задействована в социальных процессах, может быть названа вменяемой. Если же социальное воспроизводство нарушено, то индивид, как активный субъект социального действия, может быть охарактеризован как невменяемый. Вторым критерием вменяемости оказывается персональная идентичность, включающая две составляющих – идентичность тождества и идентичность самости, что означает осознание личностью связи своих действий. Еще одним важным критерием вменяемости, в том аспекте проблемы, который относится к характеристике личности, а не социальной связи, является легитимность действий индивида, другими словами, потребность в правовой оценке жизненных ситуаций, без которой невозможно и осуществление самоидентификации.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2000. С. 95.

² Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999. С. 28.

³ Шепель В. М. Человеческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М., 2000. С. 128.

⁴ Краснов М. А. Ответственность в системе народного представительства. М., 1992. С. 41–42.

Г. А. Гасимова

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВОСПИТАНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ А. С. МАКАРЕНКО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ И ВЛИЯНИЯ

Многие годы в СССР наследие А. С. Макаренко интерпретировалось только как педагогическое. При этом можно было встретить утверждения, что он скорее практик, чем теоретик, что его педагогический опыт сложился на основе работы с беспризорниками и малолетними преступниками, а потому в воспитании «нормальных» детей неприменим. Долгое время не было не только полного собрания сочинений педагога, но даже его научной биографии, а немногочисленные работы, посвященные А. С. Макаренко, стра-